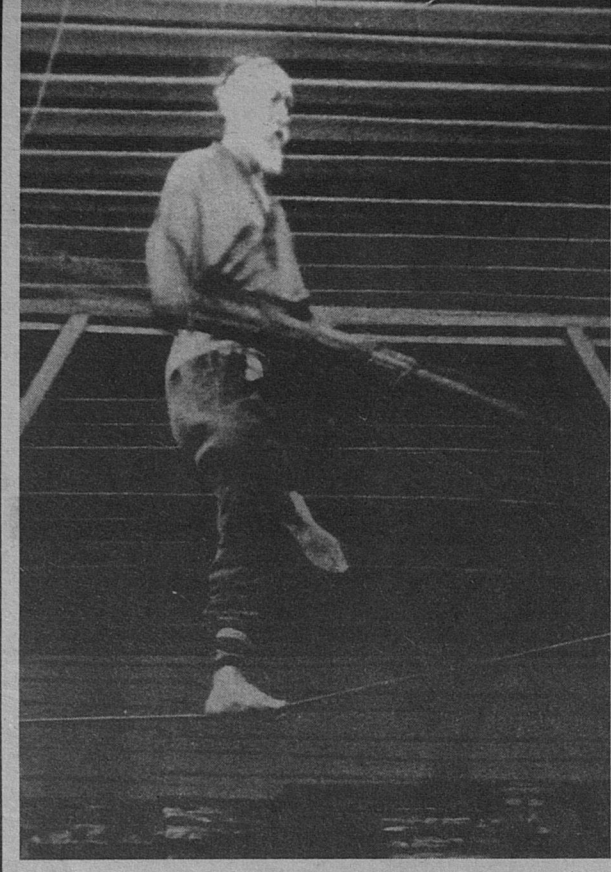

ПОЧТИ ЛЕГЕНДА

Было это почти два столетия назад. Неподалеку от Андижана в кишлаке Асаке жил хлебопек Игамберды. Как и положено мусульманину, служил он своим хозяевам верой и правдой. Он не только таскал мешки с мукой, размешивал тесто и ставил хлебы в печь, но и помогал по дому, ходил на базар, присматривал за скотом. И вот в награду за верную службу взял его хозяин в паломничество. Три года шли паломники к Святой земле, а когда возвращались, Игамберды занемог. Оставил хозяин больного слугу в придорожной чайхане, дал чайханщику кошелек денег и строго наказал: "Если помрет, скорони как мусульманина, а до тех пор лечи, не жался сил и средств."

Выздоровел Игамберды, совершил еще одно паломничество в Мекку, а когда через многие годы вернулся в дом своего хозяина, рассказал тому о чудесном сне. Снилось хлебопеку, будто ходит он в поднебесье по канату. И таков был тот сон, что пошел Игамберды к бродячим канатоходцам-дорвозам обучаться их нелегкому ремеслу. И тут же, подвесив трапецию к самому высокому тополи, показал Игамберды свое искусство изумленным сельчанам. А через некоторое время, натянув высоко в небо "большой канат" - дор, выступил Игамберды в качестве дорвоза.

Подивился хозяин вещему сну своего работника, чудесному его уменью, и щедро одарив, отпустил его искать новой судьбы, ведь дорвозы почитались у нас святыми: босые, безо всякой страховки на страшной высоте - до 41 метра - они не только потешали народ, они - все это твердо знали - общались с самим Аллахом.

Так в начале прошлого века появился на Востоке знаменитый Хаджи-дорвоз,

СОЕДИНИВШИЙ ДВА ВЕКА

Тулкун АБИДОВ

прозванный так за паломничества в святые места Мекки и Медины. Много еще "паломничествовал" он по Средней Азии со своим немудренным скарбом в запыленной тюбетейке. Дорвозы выступали босыми, а потому ноги их всегда были в ссадинах, нередко кровоточили. Но через несколько лет на ступнях канатоходцев образовывались мозоли, служившие надежнее любой обуви: они никогда не изнашивались и не требовали услуг сапожника.

Однажды пришедшему в Ташкент Игамберды не удалось дать ни одного представления: его прогнала труппа выступавшего там знаменитого коллеги. Обиженный дорвоз направился в Туркестан, где намечался саяль - народный праздник. Выступление Хаджи-дорвоза собрало целую толпу народа. В числе зрителей были русские офицеры и генерал. Игамберды отработал на канате и перешел на трапецию. И вдруг непредвиденное: при исполнении одного из трюков артист сорвался и полетел вниз со страшной высоты. К счастью, ему удалось зацепиться за одну из растяжек; по ней дорвоз спустился вниз и... раскланялся как ни в чем не бывало.

Ободренные руки, ссадины на боку болели нестерпимо. К дорвозу подбежал один из русских офицеров и пригласил его к генералу. Тот спросил: "Как получилось, что ты сорвался?" В ответ последовало спокойное: "Так мы всегда спускаемся в первый раз". "А еще раз пойдешь по канату?" - "Конечно, сударь!" "Только без головоломных трюков," - попросил генерал.

Пришлось повторить выступление - честь дороже всего. Хаджи-дорвозу дали много денег. Приехав в Ташкент, где коллеги-дорвозы недавно обошлись с ним так несправедливо, гордый асакинец подарил главному обидчику богатый халат. Но тот не понял колкого намеска...

И пошли дела хорошо. Сборы были великолепные, успех сопутствовал канатоходцу. И вдруг из Асаке пришла радостная весть: у Игамберды родился сын. В честь удачных гастролей назвал его Хаджи-дорвоз Ташкенбаев.

Так в 1866 году родилась славная фамилия Ташкенбаевых,

великолепных дорвозов-канатоходцев и символов-эквилибристов на проволоке, воздушных гимнастов и партерных акробатов, джигитовщиков на верблюдах и комиков...

ЛУЧШИЙ ИЗ ЛУЧШИХ

Из воспоминаний 95-летнего Ташкенбая, записанных летом и осенью 1961 года в Ташкенте.

Как вы уже знаете, звали моего отца Игамберды, но в народе его с уважением величали Хаджи-дорвоз.

Ребенком я с восторгом наблюдал, как отец работал на канате высоко-высоко, под самым небом. Когда мне исполнилось лет пять, началось и мое учение: отец натягивал над землей сим-проволоку и заставлял меня стоять на ней, делать один-два шага, сидеть по-узбекски, сложив ноги, и в таком положении раскачиваться. Сначала было страшно, но постепенно я стал привыкать к странному своему положению.

Однажды отец посадил меня на плечи и приказал: "Ногами под руки и зацепись за спину, а руками обхвати шею, но не крепко, чтобы я не задохнулся. Сиди свободно, но не шевелись". Он стал медленно подниматься на дор - и чем выше, тем сильнее сжималось от страха мое сердце. Я крепко помнил наказ отца: пальцами ног цепляйся за спину, а руками свободно обхвати шею. Правда, непослушные пальцы порой сами собой судорожно сжимались. Вниз я не смотрел - только перед собой и, конечно, ничего не видел. А отец со мной на плечах прошел по канату, потом спустился по веревке. Поставил меня на землю, улыбнулся, погладил по бритой голове и сказал: "Ничего, привыкнешь. Со мной в первый раз было еще хуже..." И я уже думал о том, что из меня выйдет насто-

Эта публикация посвящена 125-летию выдающегося циркового артиста, виртуозного канатоходца и эквилибриста на проволоке, основателя Узбекского циркового коллектива, замечательного мастера, воспитавшего целую плеяду учеников, Ташкенбая Игамбердыева (1866-1963), родоначальника династии ТАШКЕНБАЕВЫХ. На фотографии, сделанной в 1925 году (слева вверху), вы видите его в работе. В 1939 году (фото посредине) народному артисту РСФСР Игамбердыеву вручен первый орден Ленина. На снимке 1940 года (справа внизу) Ташкенбай среди своих учеников.

ящий йигит-молодец, что я уже смелый.

В семь лет я выступал в паре с отцом. Зрители всегда любили дорвозов-детей, а потому малыши давали хорошие сборы. И еще потому, что дорвозы считаются святыми, ведь они каждый день рискуют жизнью, выступая на огромной высоте. А еще в доре зритель видел вечное искусство, а детей - как живых продолжателей святого искусства.

Помню наставление отца: "Что бы ни случилось, улыбайся: зритель не должен знать о трудностях нашей работы". И я улыбался. Улыбка помогла мне перейти с каната на проволоку.

А несчастные случаи были нередки. Как-то в Маргелане выступал дорвоз со своим маленьким сыном. Мальчик был стройным, легким, делал сложные трюки. И вот малыш упал с большой высоты и разбился. Как оказалось впоследствии, это была девочка: не было у старого дорвоза сына...

Мою судьбу решил случай. К нам в кишлак приехала группа симбозов. Среди них были такие по тому времени знаменитости как куwineц Мадалим-дорвоз и Худойназар-ака из Оша. Я с восхищением смотрел, как они легко и свободно проделывали сложнейшие трюки на амортизирующей проволоке. Мадалим-ака показывал такое искус-

во, что казалось - летает по воздуху и лишь иногда снисходительно ступает на ненадежную опору. За этими актерами, впервые покинув родной кишлак, я и последовал в Андижан.

Учение было долгим. Далеко не сразу допустили меня к симдору. А когда, наконец, я попал на проволоку, то в первую же неделю начал выступать на высоте 6 метров. Регулярные репетиции сделали свое дело: месяца через четыре я свободно работал на проволоке и чувствовал себя там не хуже, чем у своих "хозяев": смотрел за лошадьми, выполнял все хозяйственные поручения.

А я ощущал себя уже настоящим артистом. И вот однажды, сославшись, что давно не видел матери, отправился домой. Учителя охотно отпустили меня, к тому же вручив мне на прощание три рубля - немалые деньги, цена двух больших баранов.

Отец скончался, когда мне едва минуло восемнадцать. Наступила пора скитаний - тяжелая, голодная пора. Было мастерство, но не было гастрольного опыта. Однажды, выступая в Ташкенте вместе со старшим сыном Кадырджаном, я сорвался с проволоки, зацепился за трос и, сделав оборот, снова оказался наверху. Бок ныл, хотелось кричать, но

я повторял трюки и улыбался. Когда спустился на землю, идти уже не мог. Товарищи внесли меня в одну из комнат чайханы; а там, наверху, выступление продолжалось: нужно работать - базарный день. К вечеру я потерял сознание. Оказалось, при падении сломал три ребра. Лечили меня так: взяли кусок козьей шкуры, разогрели над огнем, намазали столярным клеем и... залепили бок. Думал, пробыл мой последний час.

Товарищи-артисты купили мне билет на поезд (в то время это была непозволительная роскошь) и отправили домой в сопровождении сына чайханщика. Кадырджан остался: сборы хорошие, нужно работать. Провалился я целый год. Но Кадырджан привез столько денег, что семье хватило на пропитание, пока я болел.

Крепко стояли друг за друга дорвозы. Был у нас коллега Мирза Хаким, младший сын Мадалим-ака. Он бредил конными состязаниями, без них даже жизни не мыслил. Мечтал о собственном коне, но денег не было. Тогда мы сложились и купили ему жеребца. К счастью, этот "конь дорвозов" со своим седоком всегда выходил победителем, а призы значительно улучшили наш бюджет.

В начале нынешнего столетия меня уже считали опытным дорвозом и симбозом, а в народе просто называли "уста" - мастером. У нас, у узбеков, каждый в своем ремесле - будь то гончар или чеканщик по меди, танцор или хлебопек - стремится стать виртуозом в своем деле. Тогда и получает он от людей высокое звание "уста".

Помог укрепиться моей репутации такой случай. Однажды, когда наша труппа выступала в священной Бухаре, пришел служитель из дворца эмира - мирохирбо-

ши и заявил, что его величество желает посмотреть выступление. Вскоре в летнем саду эмира все было готово.

В большой деревянной беседке появился визирь. Мы сложили руки на груди и согнулись, склонив головы. Эмир вышел в сопровождении свиты. Мы прочли молитву и начали выступление.

Тяжело работать перед эмиром: не понравившись повелителю - тут же вышлют из города и навсегда запретят показываться в благословенной Бухаре. И когда я начал продвигаться с лангар-чупом (балансиром) какая-то предательская дрожь сковала ноги. Страшна была не высота, а немилость эмира. Но опыт артиста все же взял свое. И когда я пошел приседая то на одно колено, то на другое, привычная дерзкая улыбка снова заиграла на моем лице. Наконец, последний трюк - самый опасный. Завязал я себе глаза поясным платком. Пошел... А дорога кажется длинной-предлинной. Дошел-таки до мостика, смахнул платок. Кланяюсь и вижу - о великий Аллах! - эмир хлопает в ладоши.

И тут вдруг - целая буря аплодисментов. Внизу лишь повелитель со свитой, откуда же такие бурные рукоплескания? Глянул, а у забора, что окружал эмирскую летнюю резиденцию Мохи Хоса, - толпа. Дорвоза даже высокие стены не скроют. Закончил я выступление броском с верхней площадки. Длина свободного падения с подвязанной ногой почти пять метров.

Как я и ожидал, трюк произвел большое впечатление. Меня подвели к эмиру, который вручил мне дорогой халат и золотую медаль двора величиной с палу.

И снова дороги, дороги - из кишлака в кишлак, из города в город.

К тому времени у меня уже были ученики: Дехкан, Хатам. Они усложняли мои трюки, изобретали собствен-

ные. Особенно способным был Дехканджан. Он делал на канате все, что хотел: стремительно бегал с завязанными глазами, делал стойку на голове, пируэт с балансиrom на сто восемьдесят градусов, проводил балансир над головой за спину, опускал и вытаскивал его между ног, делал ласточку. Он даже передвигался по канату, привязав к ногам остро отточенные ножи. Он делал разнообразные прыжки и приседания во время бега по канату, на что до него не решался ни один дорвоз (напомним, что о лонже в то время даже не слышали - Т.А.)

Летом 1908 года в Ташкенте проходило соревнование дорвозов на приз. Решил и я попытать счастья. Начал прямо с прыжков, затем перешел на приседания с привязанными к ногам "тарелками". Смотрю: народу прибывает. Это придало мне силы. Привязал ходули и пошел, затем станцевал на канате. Сменил ходули на рогатки и проделал несколько трюков. Вдруг снизу сообщают, что я награжден призом.

Спускаюсь вниз, вручают грамоту, золотую медаль и парчевый халат - высшую награду конкурса. Так меня признали лучшим дорвозом и символом Туркестана.

На этом заканчивается рассказ Ташкенбая Игамбердыева, "дедушки Ташкенбая", как любовно зовут его в цирке. А мы продолжим свое повествование.

/Окончание в следующем номере/

